

Н. Г. Олейник, М. Е. Дубова

Костромской государственной университет
dubova.m2018@yandex.ru**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. КИПЛИНГА
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Статья позволяет по-новому, с позиций гуманизма и христианских ценностей взглянуть на знакомые, любимые и малоизвестные произведения Р. Киплинга. Такое новое прочтение работ Мастера пера базируется на детальном структурно-семантическом анализе английского оригинала и сопоставлении с ним имеющихся интерпретаций-переводов на русский язык. Особый интерес представляет параллель с Н. С. Гумилевым и привлечение его замечаний о переводе поэзии в качестве теоретических предпосылок предпринятого исследования, которое может представлять интерес как для специалистов, так и для широкой читательской публики.

Ключевые слова: Р. Киплинг, антитеза, апопсиопсис, афоризм, квази-риторический вопрос, когезия, несобственно-прямая речь, оксиморон, пролепса, смешение стилей.

N. G. Oleynick, M. Ye. Dubova

Kostroma State University
dubova.m2018@yandex.ru**HUMANISTIC IDEAS IN R. KIPLING'S WORKS
IN THE ORIGINAL AND THEIR TRANSLATIONS INTO RUSSIAN**

The article gives a chance to consider R. Kipling's well-known, favourable and not so well-known poems and fairy-tales in a new perspective – on the basis of humanistic and christian values. Such an approach became possible due to a subtle, detailed structural-semantic analysis of the original works and the comparative analysis of their translation-interpretations into Russian. Noteworthy is the parallel with N.S. Gumilyov's investigations in line of poetry translations, that were laid down as a theoretical basis for the given work, which may be of interest to specialists and the reading public at large.

Key words: antithesis, aposiopesis, aphorism, quasi-rhetorical question, cohesion, represented direct speech, oxymoron, prolepsis, collision of styles.

Имя Редьярда Киплинга известно во всем мире. Многогранный талант поэта и писателя с самого начала и поныне оценивается в англоязычном мире и за его пределами по-разному, но интерес к его творчеству не исчезал никогда. Этому есть объяснение, и мы постараемся понять почему.

Новаторство стиля, внимание к судьбам людей из низов, даже сказки для детей «Just So Stories» («Сказки просто так») и для людей других возрастов – «Plain Tales from the Hills» («Простые сказания с гор») трактовались, иногда даже одними и теми же выдающимися людьми того времени, неоднозначно (7, 152–153, 197, 239).

В России поэтические произведения этого волшебника пера известны широкому кругу читателей благодаря усилиям многих переводчиков (4; 5). Среди них такие блистательные поэты, как Самуил Маршак и Константин Симонов.

Представляется уместным заметить также, что свое понимание переводов стихов, в том числе и работ Р. Киплинга, разрабатывал, как известно, Н. С. Гумилев (2, 430). Описывая три способа переводить стихи, он полагал, что «...некоторые думают, что можно заменять один размер другим..., отказываться от рифм, вводить новые образы и так далее. Сохраненный дух должен оправдать все» (2, 425).

Однако даже сопоставление одних только заглавий у разных переводчиков вызывает вопросы. Попытаемся ответить на некоторые из них.

Вот, например, литературное завещание Р. Киплинга «The Appeal»:

And for the little, little, span
The dead are borne in mind,
Seek not to question other than
The books I leave behind (5, 316–317, 415).

В переводе Е. Витковского сам заголовок передается как «Напутствие» и «Просьба» у Вяч. Вс. Иванова.

Если принять во внимание тот факт, что читателями будут не только критики, но и простые люди, то ход размышлений при интерпретации заглавия может быть следующим.

Посмертное обращение творца к потомкам имеет в оригинале форму просьбы-пожелания – судить об авторе по его творениям, но никак не иначе. Принимая как должное свое скорое небытие, свойственное всем живущим, – «...that night which shall be yours anon» (5, 316), поэт умоляет в случае недолгой памяти о нем, если его работа доставляла радость, удовольствие – «If I have given you delight by aught that I have done» (5, 316), – обращаться лишь к книгам, которые он оставляет им, людям будущего. Заглавие «Напутствие» вряд ли передает умиротворенность, к которой стремится автор – «Let me lie quiet in that night...» (5, 316). Обнаженная до предела искренность при выражении безысходной неизбежности конца, пронизывающая завещание, напоминает скорее эпитафию (6, 220, 231–232), чем повеление-напутствие.

Образ ночи (читай «смерти»), которой не избежать никому, подчеркивает естественность и неизбежность основ мироздания, а потому обращение поэта-писателя к потомкам является просьбой, а не воззванием рекомендательного характера, передаваемым словом «напутствие». В данном случае можно с уверенностью констатировать, что «дух оригинала» не сохранен в заглавии.

Наличие в ряде изданий приложений, фиксирующих различные версии переводов Р. Киплинга, дает возможность неносителям английского языка приблизиться к авторскому пониманию описываемого. Тем не менее, даже при наличии приложений, кое-что, иногда очень важное, остается «за кадром».

Расшифровка неохваченного переводом всегда актуальна: ведь каждое новое поколение открывает большого писателя и поэта для себя по-новому. Творчество Р. Киплинга дает все основания для необходимости, более того, острой актуальности подобной работы в наше время – «...неповторимый Мастер <...> остается с нами, открывая нашему внутреннему взору такие элементы Мироздания, которые без его творческого подвига мы бы никогда не увидели» (8, 5).

Рассмотрим еще ряд примеров. Одним из наиболее известных поэтических произведений Мастера, безусловно, является его программное стихотворение, посвященное сыну – «If» («Заповедь» в переводе М. Лозинского и «Будь в силах ты...» в переводе В. Топорова) (5, 288–291; 387–388). Примечательно, что даже составители сборников стихов Р. Киплинга, называя издание «Мохнатый шмель», помещают на первое место именно «If», подчеркивая тем самым морально-этическую значимость обращения к сыну как представителю молодого поколения будущего (4, 5–6).

Написанное в форме раздумий о смысле человеческого бытия, это стихотворение-посвящение структурно объединено полисиндетоном союза *if* (если, при условии), который фиксирует вехи жизни, состоящие из шагов к конечной цели бытия – стать человеком («you'll be a Man, my son»). Тернистость этого пути подчеркивает цепочка антитез, повторяющихся в каждом из четырех восьмистиший.

По существу, преодоление препятствий каждым живущим на пути его становления человеком – это борьба со злом внутри самого себя. Параллель с «грехом» в его религиозной трактовке представляется в данной связи естественной и уместной. Действительно, терпение – прощение, мужество – дерзание вопреки обстоятельствам, твердость духа, отсутствие тщеславия – победа над гордыней, самоуважение – вот качества, необходимые для достижения высшей цели бытия – стать Человеком, приняв во владение землю и все, что есть на ней: «Yours is the Earth and everything that's in it» («Тогда весь мир ты примешь во владенье», перевод М. Лозинского; «Тогда твои – Земля и все Земное», перевод В. Топорова) (5, 288–291, 387–388).

Однако неперенным условием при этом является постоянное движение вперед, труд над собой во что бы то ни стало – «If you can fill the unforgiving minute with sixty seconds' worth of distance run» («Наполни смыслом каждое мгновение, часов и дней неумолимый бег», перевод М. Лозинского; «Будь в силах ты всю жизнь лететь стрелой – и все же на мгновенья мерить век», перевод В. Топорова) (5, 288–291, 387–388).

Заключительные строки «If» как венец всех предпринятых усилий – «Yours is the Earth and everything that's in it, and – which is more – you'll be a Man, my son!» («Тогда весь мир ты примешь во владенье, тогда, мой сын, ты будешь Человек!», перевод М. Лозинского; «Тогда твои – Земля и все Земное, и главное, мой сын, ты – Человек!», перевод В. Топорова) (5, 288–291, 387–388).

В переводе В. Топорова передается основная мысль оригинала, заключенная в словах – «which is more» – «и главное». Эта существенная деталь отсутствует у М. Лозинского.

В данной связи не можем не привести слова Н. С. Гумилева: «В стихах часто встречаются параллелизмы, повторения полные, перевернутые, сокращенные, точные указания времени или места, цитаты, вкрапленные в строфу, и прочие приемы особого, гипнотизирующего воздействия на читателя. Их рекомендуется сохранять тщательно, жертвуя для этого менее существенным» (2, 427).

На наш взгляд, именно слова *which is more* («главное», «более того») (перевод наш. – Н. О., М. Д.) являются существенными.

Именно такой подход к вопросу становления человека как личности, преисполненной христианских добродетелей, делает это посвящение Р. Киплинга молодым вневременным – актуальным на все времена.

И таких откровений-открытий немало в творчестве Р. Киплинга. Так, в его программном стихотворении «A General Summary» («Общий итог», перевод К. Симонова; «Окончательные итоги», перевод Н. Голя), подвергнув анализу тысячелетнюю историю человечества, автор констатирует непреодолимую неизбежность греха:

As it was in the beginning
Is to-day official sinning,
And shall be for evermore (5, 24–27, 322–323).

Прямое название порока в оригинале *sinning* – «грехопадение, нарушение законов общества; ред. совершение проступков» (1, т. 2, 465) в переводе К. Симонова – «воровство»:

...все, что я спою
Вам про Индию мою,
Тыщу лет не удивляет никого, –
Так уж сделан человек.
Ныне, присно и вовек
Царствует над миром воровство (5, 27).

Обыденность, глубокая «заземленность» этого порока передается К. Симоновым использованием сниженной лексики – «тыщу» вместо «тысячу» и «сделан человек» вместо привычно-традиционного «создан». В соединении с высоким стилем религиозной сентенции «ныне, присно и вовек» и оксимороном «царствует <...> воровство» такое сочетание в одном контексте несовместимых по звучанию и смыслу элементов приводит к смешению стилей (*collision of styles*), эффектом которого при восприятии является «горькая ирония», граничащая с сарказмом.

В переводе Н. Голя рамки грехопадения, так же как и его локализация, расширяются. Техника тавтологического повтора, использованная переводчиком, удачно передает «круговорот» событий в истории:

В этой песне что ни слово –
Все известно и не ново.

В ней поется про естественный закон:
 Люди вдали – люди врут.
 Люди крали – и крадут.
 Так и будет до окончания времен (5, 323).

Из приведенного материала явствует, что в обоих переводах оригинала на русский язык сохранена параллель с религиозными воззрениями на проблему «греха» и первопричину его возникновения – «так уж сделан человек», «естественный закон», но авторы используют разные средства и, как следствие, разную тональность.

Н. Голь прибегает в своем переводе к риторическим вопросам, глубоким по смыслу, но звучащим в шутливо-разговорной манере:

В нас заметны ли отличья
 (Кроме внешнего обличья)
 От индийских первобытных дикарей? (5, 322).

К. Симонов в своем переводе звучит скорее утвердительно, чем фамильярно-снижительно, но с долей сомнения, как и у Н. Голя:

Далеко ушли едва ли
 Мы от тех, что попирали
 Пяткой ледниковые холмы (5, 25).

Второй перевод более соответствует убедительно сокрушающему тону оригинала, постоянно проводящему параллель между новым временем и давно ушедшими эпохами:

We are very slightly changed
 From the semi-apes who ranged
 India's prehistoric clay;
 He that drew the longest bow
 Ran his brother down, you know,
 As we run men down to-day (5, 24).

Сходство поступков людей прошлого и настоящего в оригинале постоянно нагнетается и звучит как рефрен за счет параллельных конструкций:

Even in those early days...
 Even as it does in this age...
 As we run men down to-day (5, 24).

В отличие от Н. Голя, К. Симонов не прибегает в своем переводе к риторическим вопросам, но основным текстологическим началом – главным элементом когезии – использует антитезу:

Тот, кто лучший лук носил, –
 Всех других поработил.
 ... Умер – и зацапал лучший гроб.
 ... Был уже тогда такой закон.
 Как у нас – все шито-крыто,
 Жулики и фавориты
 Ели из казенного корыта (5, 25).

Негативное отношение автора к происходящему усиливают аллитерация – «т» – «тогда такой», «к» – «казенного корыта», «л» – «лучший лук», а также вербальные – «зацапал гроб», «сожрал чеснок» и номинативные метафоры – «казенное корыто», «чужой чеснок». Усиливают элементы отторжения, неприятия автором действий людей также случаи оксиморона – «лучший гроб», проlepsы – «...подрядчик, хотя он уважал весьма закон, облегчил Хеопса на мильон» (5, 25).

Использование жаргонизмов «мильон» и «облегчил» в значении «обокрал» подчеркивает обыденность подобного состояния дел в людском сообществе.

Р. Киплинг еще более категоричен в отношении жульничества. Он использует существительное *secret* в кавычках, то есть это по существу – «секрет на весь свет». Он не отделяет

«секрет» пирамиды Хеопса (ее опустошение) и назначение Иосифа контролером поставок, подрядчиком, то есть действием официального лица (чиновника), объединяя квази-риторические вопросы союзом *or* (или) в отстоянии и общим для них главным вопросительным предложением – «Who shall doubt» (У кого возникнут сомнения) (перевод наш. – *Н. О., М. Д.*):

Who shall doubt “the secret hid
Under Cheops’ pyramid”
Was that the contractor did
Cheops out of several millions? (5, 24).
Or that Joseph’s sudden rise
To *Comptroller* of Supplies
Was a *fraud* of monstrous size
On King Pharaoh’s *swart* Civilians? (5, 26).

Большой англо-русский словарь дает следующие значения выделенных курсивом слов: *comptroller* = *controller* (1, т. 1, 291); *fraud* – «кор. обман, мошенничество; разг. надувательство, жульничество» (1, т. 1, 551); *swart* диал., поэт. = *swarthy* – «смуглый, загорелый, зд., скорее темнокожий» (1, т. 2, 581).

Иначе говоря, в оригинале все названо своими именами – это был обман грандиозных размеров, совершенный должностными лицами, среди которых был и Иосиф.

К. Симонов в переводе идет иным путем. Не ставя под сомнение причастность Иосифа, «ответственного за провиант», к воровству, он с долей иронии вслед за Р. Киплингом подчеркивает открытый характер этого преступления:

А Иосиф тоже был
Жуликом по мере сил.
Зря, что ль, провиантом ведал он? (5, 27).

Переводчик кроме иронии мастерски использует апосиопсис (разрыв в повествовании) и несобственно-прямую речь в форме вопроса без конкретного адресата, который звучит как утверждение – «не зря же провиантом ведал он». Так отражена квинтэссенция развития зла, ломающего барьеры между общественным и индивидуальным, когда такое грехопадение узаконено – «*sinning is official*».

Как видим, «соперничество» двух языков – английского и русского – в руках Мастеров равнозначно. Действительно, с небольшими нюансами различий переводы могут быть «достойны» оригинала. И в оригинале, и в переводах вывод один – грехопадение неизбежно и вечно. Вопрос лишь в том, что понимается под «грехопадением». У переводчиков это – «воровство» и «ложь», а у Р. Киплинга это понятие, заключенное в слове *sinning*, шире. История развития человечества доказывает правоту подхода Р. Киплинга.

Многостыжательство идет сегодня в разных сферах и разными способами открыто, в течение долгих лет и, почти всегда, безнаказанно, то есть узаконенно (*sinning is official*). Так читается ныне сентенция-откровение «*is to-day official sinning*», написанная почти сто лет назад достаточно четко, но в шутливо-иносказательном контексте, который блестяще передан переводчиками на русском языке. Перефразируя Н. С. Гумилева, можно с уверенностью сказать, что за счет собственных приемов «гипнотизирующего воздействия на читателя» дух оригинала Р. Киплинга и К. Симонов, и Н. Голь частично сохранили. Трактовка же авторского афоризма «*official sinning*» привносится самой жизнью, она шире контекста самого стиха. Это своего рода «предвидение» – вневременная сентенция, связанная с вопросами человеческого бытия вообще.

Вопросы мироздания и основы бытия живущих – тема, которая волновала Мастера на протяжении всей творческой жизни. Ей посвящены не только поэтические, но и прозаические его шедевры. К последним, несомненно, относится и его повесть-сказка «*The Undertakers*» («Похоронщики»).

Показательна сама этимология слова-заглавия и его современное употребление. Согласно Большому англо-русскому словарю, *undertaker* – 1. [ˈʌndəˈteɪkə] «предприниматель», 2. [ˈʌndəˈteɪkə] «владелец похоронного бюро» (1, т. 2, 693). Разница в значении воплощается вне контекста (в изоляции) лишь сменой «акцентов», то есть взаимоотношением главного и вторичного словесного ударения: в первом случае основным является корневой элемент (*take + er*), добавочным, вторичным – префикс *under*, что характеризует и все их производные – *undertaking* [ˈʌndəˈteɪkɪŋ] – «предпринимательство», в то время как [ˈʌndəˈteɪkɪŋ] – «похоронное бюро, лавка гробовщика» несет основное ударение на первом элементе *under* (под; внизу, вниз, ниже и т.д., то есть используется самостоятельно и как предлог, и как наречие).

Сама же расширенная метафора в заглавии дает возможность разной интерпретации. Чуткое перо замечательного ученого, писателя и поэта современности М. Я. Блоха (литературный псевдоним Марк Ленский) зафиксировало перевод под названием «Вольные похоронщики, или Превратности судьбы» (3). Оба названия четко передают замысел автора и стилистику произведения в значительной степени больше, чем традиционный перевод «Гробовщики».

Последняя версия нового перевода М. Я. Блохом повести-сказки Р. Киплинга «*The Undertakers*» («Похоронщики») акцентирует внимание на возможности параллели с миром людей (в сказке основные действующие лица – звери, птицы, пресноводные – крокодил, шакал, аист), в то время как «Вольные похоронщики» усиливает связь между миром животных и миром «человеков».

Попробуем проанализировать этот шедевр замечательного Мастера, чтобы по праву осмыслить его.

Прежде всего, о действующих лицах. Все они выписаны тщательно и многосторонне – внешность, язык, действия, с завораживающим проникновением в сущность.

Главным «похоронщиком» является *Mugger* – огромный крокодил, на счету которого много человеческих жизней. Только во время строительства моста около деревни, названной в его честь *Mugger Ghaut* (Крокодил-плотина), он, по свидетельству руководителя этого строительства, «...пожрал пятнадцать человек из моих лучших кули» (3, 29). «...He took about fifteen of my best coolies while the bridge was building» (8, 27).

Судьба же самого руководителя строительства весьма примечательна: «The last time that I had my hand in a *Mugger's* mouth <...> it was when I was about five years old» (8, 28). «Последний раз моя рука находилась в крокодильей пасти, <...> когда мне было пять лет» (3, 30).

Именно этот эпизод беспокоил самого Крокодила Крокодильей Плотины до конца жизни, не давал ему ни минуты покоя: «“That little child which I did not get”, said the *Mugger*, with a deep sigh. “He was very small, but I have not forgotten. I am old now, but before I die it is my desire to try one new thing. <...> if the child lives he will remember still. It may be he goes up and down the bank of some river, telling how he once passed his hands between the teeth of the *Mugger* of *Mugger-Ghaut*, and lived to make a tale of it. My Fate has been very kind, but that plagues me sometimes in my dreams – the thought of the little white child in the bows of that boat”» (8, 26). «Мне не хватает того маленького белолицего мальчика, которого мне не удалось схватить, – проговорил Крокодил с глубоким вздохом. – Он был совсем крошечный, но я его не забыл. А теперь я старый, но я очень хочу до того, как умру, попробовать еще чего-нибудь новенького. <...> и, если тот ребенок еще жив, он тоже должен их помнить. Вполне возможно, что он, уже взрослый, разгуливает где-нибудь по берегу реки и рассказывает, как однажды он вытащил свои руки из зубов Крокодила Крокодильей Плотины и остался жив, и дожил до того времени, когда может рассказать об этом. Судьба была очень добра ко мне, но мысль о маленьком белолицем ребенке, сидящем у борта лодка, иногда мучает меня во сне» (3, 28).

Этот монолог как нельзя лучше иллюстрирует английскую пословицу *Can the leopard change his spots?* (Горбатого могила исправит). Ненасытность, изощренность тактики убийств

совмещаются в этом персонаже с поучениями для молодых (это в основном – Шакал) и экскурсом-осмыслением в собственную жизнь. Однако, несмотря на то что Маггер наблюдал людей своей деревни в течение всей своей долгой жизни, знает много их обычаев, разница в них для него лишь в том, какие они на вкус: «...Some are as lean as boat-poles. Others again are fat as young ja – dogs. Never would I causelessly revile men. They are of all fashions, but the long years have shown me that, one with another, they are very good. Men, women, and children – I have no fault to find with them» (8, 12). «Между людьми имеется большая разница, – добродушно возразил Маггер. – Некоторые из них тощие и жесткие, как лодочные доски. А другие, наоборот, жирные, как молодые ша... собаки. Я никогда бы не стал беспричинно оскорблять людей. Среди них бывают всякие, но долгие годы жизни убедили меня в том, что, какими бы разными люди ни были, все они вполне пригодны в пищу. Мужчины, женщины, дети – на мой вкус, все они хороши, каждый в своем роде» (3, 7–9). Далее Р. Киплинг, подробно описав внешний вид Крокодила Крокодилей Деревни, одним предложением дает исчерпывающую характеристику ему: «It was the blunt-nosed Mugger of Mugger-Ghaut, older than any man in the village, who had given his name to the village; the demon of the ford before the railway bridge came – murderer, man-eater, and local fetish in one» (8, 11). «Он был демоном переправы до того, как через Реку был построен железнодорожный мост. Он был убийца, людоед и местный божок – трое в одном лице» (3, 6).

На исходе своей жизни этот, по выражению Шакала, «Защитник бедных», действительно гордившийся тем, что, уничтожая людей («the silent ones», то есть мертвецов, и «floating down-faced», то есть утопленников), он экономит деньги их родственников, необходимые на покупку бревен для погребального костра. Это чудовище сам предчувствует конец жизни и его заклинание «Respect the aged!», которое повторяется в разных вариациях – «the aged and infirm» (старых и больных), является по существу когезийным маркером, то есть элементом сцепления текста, частью его архитектоники.

Более того, «этот голос одновременно и хрипло угрожал, и жалобно хныкал» (3, 3). «There was a quaver in it, a croak and a whine» (8, 9). Метафоры вербальные «хрипло угрожал» (о голосе) и «жалобно хныкал» создают образ беспомощной старости, действующей по инерции, «на автомате». Но это не что иное, как вариации «крокодилийх слез».

Однако законы бытия незыблемы. Бумеранг сработал четко, без осечки и на этот раз. Маггер получил по заслугам – рука выросшего «маленького белолицего мальчика» не дрогнула: «...the Mugger of Mugger-Ghaut was literally broken into three pieces. He hardly moved his head before the life went out of him, and he lay as flat as the Jackal» (8, 28). «Но Маггер Крокодилей Плотины был буквально разорван на три части. Он едва успел шевельнуть головой, как жизнь отлетела от него, и он лежал, распростертый на песке, как и Шакал» (3, 30).

Смерть уравнила всех – и великого Маггера, и шелудивого Шакала. А ведь совсем недавно все было иначе. «Eat and be eaten was fair law along the river, and the Jackal came in for his share of plunder when the Mugger had finished a meal» (8, 24). «По всей Реке царил непреложный закон: Ешь или будь съеденным! (Тебя съедят) (правка наша. – Н. О., М. Д.). Случалось, Шакал приходил к Крокодилу во время его трапезы, чтобы получить свою долю добычи – объедки, оставшиеся после крокодилийего обеда» (3, 26).

Крокодил был снисходителен к Шакалу, а тому все было мало. Вот как он характеризует своего добродетеля в разговоре с Аистом-Адьютантом: «“That was a pleasant and profitable life”, he grinned, looking up inquiringly at the bird who towered above him. “And not once, mark you, did he think fit to tell me where a morsel might have been left along the banks. Yet I have told him a hundred times of good things wallowing down-stream. How true is the saying, “All the world forgets the Jackal and the Barber when the news has been told!”» (8, 26). «Да, это была интересная и с пользой прожитая жизнь, – сказал Шакал, оскаливаясь в усмешке и испытующе

глядя на огромную птицу, возвышавшуюся над ним. – Но заметьте, он ни разу не подумал о том, чтобы сообщить мне о каком-нибудь съедобном кусочке, который мог быть оставлен на берегу. А ведь сколько раз я-то сообщал ему о лакомых кусках, болтающихся на волнах и уносимых течением. Правильно говорит пословица: “Как только новость стала известна, шакал и парикмахер больше никого не интересуют”» (3, 28).

Не лишенный трезвости и проницательности ума, когда это было ему выгодно, Аист-Адъютант холодно проговорил: «Какой смысл Шакалу охотиться вместе с Крокодилом? <...> Одно дело – большой грабитель, другое дело – мелкий воришка. Легко сообразить, кому из них достанется добыча!» (3, 28). «“How can a Jackal hunt with a Mugger?” said the Adjutant coolly. “Big thief and little thief; it is easy to say who gets the pickings”» (8, 26).

Из приведенного отрывка видно, что «друзья» иногда, когда им ничто не угрожает, обнажают сущность собеседника бесстрастно, четко, в полном согласии с реальностью. Дальнейшие события лишь подтверждают такое положение вещей.

Зло есть зло, и никакие ухищрения лицемерной болтовни о «защите бедных» или стенания убийцы-людоеда «берегите (щадите) старых и больных» не могут изменить закон бумеранга, как и души нечестивых, выдававших себя за друзей-сподвижников. Шакал и Аист-Адъютант после кончины Маггера повторили слова людей, гордившихся тем, что «...отомстили за все самому главе рода <...> А ведь стоило для такого дела продежурить всю ночь, верно?» (3, 31). «Как это ни странно, через три минуты после того, как люди ушли, Шакал и Аист-Адъютант произнесли те же самые слова» (3, 31). «...you’ve certainly had your revenge on the chief of the clan <...> This was worth sitting up all night for, wasn’t it?» (8, 28). «Curiously enough, the Jackal and the Adjutant made the very same remark not three minutes after the men had left» (8, 28).

Р. Киплинг в аллегорической форме заклеил чванство, лицемерие, лесть, хвастовство, двуличность, алчность, бездушие – то есть, опять же, все проявления лжедобродетели, свойственной фарисеям, обывателям. Именно эти людские качества (пороки) осуждают гуманизм и как грехи – христианство.

Из всего сказанного выше следует, что и в своих программных стихах разных периодов, и в прозе Р. Киплинг проводил в свойственной ему манере гуманистические идеи. Духовно-нравственные воззрения Р. Киплинга гуманистичны в своей основе и близки христианским ценностям-заповедям.

Литература

1. Большой англо-русский словарь: в 2 т.: Ок. 160000 слов / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; под общ. рук. И. Р. Гальперина, Э. М. Медниковой. 4-е изд., испр., с доп. М., 1987–1988.
2. Гумилев Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии / вступ. ст. Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М., 1990.
3. Киплинг Р. Вольные похоронщики, или Превратности судьбы / пер. с англ. Марка Ленского. М., 1993.
4. Киплинг Р. Мохнатый шмель: Стихотворения. М., 1999.
5. Киплинг Р. Стихи: Сборник: На английском языке с параллельным русским текстом / сост. К. Атаровой. М., 2004.
6. Пагис Н. А. Чудесный мир английской литературы: учеб. пособие. М., 2003.
7. Carter R., McRae J. The Penguin Guide to Literature in English: Britain and Ireland. Harlow, 2001.
8. Kipling R. The Undertakers. Для изучающих английский язык / ред., вст. ст., комм. и учеб. разработка проф. М. Я. Блох. М., 1996.